

Отзыв

Официального оппонента на диссертацию Приймы Ивана Федоровича «Славянская идея и способы её воплощения в „Дневнике писателя“ Достоевского», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Произведения Достоевского, казалось бы, проанализированы в мельчайших подробностях и не оставляют шансов для каких-либо принципиальных поворотов в исследованиях. Тем не менее содержательная неограниченность художественных миров предопределяет возможность их новых истолкований, качество которых – и рецензируемая работа служит тому подтверждением – зависит от степени адекватности выделяемых при этом тем, проблем, категорий и методов. Как справедливо отмечает автор диссертации, при всей многосторонней изученности творчества Достоевского «Дневник писателя» в неразрывном и целостном единстве его метафизических, историософских, идеологических, публицистических, мемуарных, художественных сторон не пользовался особо акцентированным вниманием литературоведов. Более того, эта целостность как бы развоплощалась выделением какой -либо отдельной стороны, прежде всего публицистико-идеологической, что нередко сопровождалось поиском в «Дневнике писателя» исторической иллюзорности, утопических империалистических замыслов и т.п.

Диссертация И.Ф. Приймы косвенно ставит важную и явно не обсуждаемую проблему, которую можно обозначить так: мировоззрение исследователя как методологическое препятствие в литературоведческих изысканиях. Приходится констатировать, что даже при высокой текстологической культуре, безукоризненном справочном аппарате, обширных комментариях, массе всевозможных сведений и добной воле на уровне истолкования тех или иных сочинений не избежать самых

разнородных «перекосов», которые вызваны «зазорами» между личностью, мировоззрением, опытом, ценностной иерархией, методологией изучаемого автора и его исследователя. Чем больше такой зазор, чем меньше внимания к сокровенной христианской проблематике в творчестве Достоевского, тем серьезнее опасность исчезновения из поля зрения ученого целых пластов его художественной и философской мысли, смещения в ней смысловых акцентов.

Своеобразная и весьма разнообразная мировоззренческо-методологическая предустановленность с особой очевидностью проявляется по отношению к «Дневнику писателя». Одно из несомненных достоинств диссертации, заключается в том, что ее автор в хронологическом порядке систематизировал и классифицировал все это многообразие в ракурсе избранной им темы, выявляя полярные мнения, оценки и подходы.

В первой главе «Проблемы осмысления «Дневника писателя» с момента его возникновения» в поле зрения соискателя попадают труды М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского, Н.К. Михайловского, Н.Н. Страхова, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, К.Н. Леонтьева, И.С. Аксакова, Н.О. Лосского, митрополита Антония (Храповицкого), Д.С. Мережковского, Л.И. Шестова, Л.П. Карсавина, П.А. Сорокина, К.В. Мочульского, Ф.Н. Степуна, Н.А. Бердяева, Г.В. Флоровского, С.Н. Булгакова, А.М. Горького, А. В. Луначарского, Л.П. Гроссмана, М.М. Бахтина, А.Н. Ск, А.С. Долинина, В.Б. Шкловского, Ю.Ф. Карякина, Г.М. Фридлендера, И.П. Волгина, Ю.Г. Кудрявцева, В.А. Туниманова и др. Славянофилы, западники и почвенники, марксисты, либералы и представители так называемого нового религиозного сознания, советские и постсоветские критики вносят свои коррективы в расстановку тем и проблем «Дневника писателя» и в их смысловую иерархию.

Демонстрируя волю к научной объективности, автор диссертации стремится исходить в своих посылках, аргументах и выводах, используя

единство культурно-исторического, историческо-генетического и биографического подходов, не из готовых сценок и априорных концепций, а из высшей ценностной логики самого Достоевского, из необходимости целостного изучения «Дневника писателя» в совокупности его философского, публицистического и художественного начал и с опорой на мировоззренческие основы его создателя

Подробный анализ исследовательского контекста позволяет соискателю сделать закономерный вывод о малоизученности различных аспектов «славянской идеи» и православно-славянской концепции как связующего центра «Дневника писателя». Восполняя отмеченный пробел, он прослеживает во второй главе «Способы воплощения славянской идеи в «Дневнике писателя»» историю обращения его автора к славянской теме, особенности её освещения на публицистском, философском и художественном уровнях и динамику ее развития от «русской идеи» к «славянской идеи» и «восточному христианству». Диссертант отмечает ведущую роль этой темы в «Дневнике писателя» и активную позицию его автора, когда в 1875-1876 годах Герцеговина и Босния, а затем Болгария и Сербия восстали против турецкого ига. Государственные власти, испытывая давление европейской дипломатии поначалу не решались выступить открыто на стороне восставших, что вызывало недовольство Достоевского, поддержавшего движение всех сословий. Со страниц «Дневника» он неустанно призывал к активной поддержке национально-освободительной борьбы славян и последовательно освящал ее развитие. С точностью военных сводок он сообщал о ходе боевых операций, со знанием дела обсуждал замыслы европейских правительств или насущные проблемы тактики и вооружения, с глубокой болью рассказывал о мучительных страданиях болгар, особенно женщин и детей, с сердечной радостью повествовал о геройстве и благородстве добровольцев, о пожертвованиях русского народа в пользу угнетенных славян.

Вместе с тем готовность к бескорыстной помощи, объединявшей людей поверх социальных барьеров и сословных границ и укреплявшей их души сознанием самопожертвования, наводила Достоевского на размышления историософского характера, что характеризует методологию «Дневника» в целом, точноанализируемую в диссертации. О чем бы ни шла речь в нем – будь то общество покровительства животным или литературные типы, замученный солдат или добрая няня, кукольное поведение дипломатов или игривые манеры адвокатов, кровавая реальность террористических действий или утопические мечтания о «золотом веке» - мысль автора всегда обогащает текущие факты глубинными ассоциациями и аналогиями, включает их в главные направления развития культуры и цивилизации, истории и идеологии, общественных противоречий и идейных разногласий. Причем при освещении столь разнородных тем на предельно конкретном и одновременно общечеловеческом уровне Достоевский динамично сочетал различные стили и жанры, строгую логику и художественные образы, «наивную обнаженность иной мысли» и развернутые диалоги, что позволяло всякий раз передавать всю сложность обсуждаемой проблематики. В самой же этой проблематике он стремился определить ее этическую сущность, а также «отыскать и указать, по возможности, нашу национальную и народную точку зрения». По мнению писателя, всякое явление современной действительности должно рассматриваться сквозь призму опыта прошлого, не перестающего оказывать свое воздействие на настоящее через те или иные традиции. И чем значительнее национальное, историческое и общечеловеческое понимание злободневных текущих задач, тем убедительнее их сегодняшнее решение.

Эту методологию «Дневника» связь публицистического уровня с историософским И.Ф. Прийма рассматривает на примере славянской темы в нем и выводов Достоевского о том, что действия России на Балканах могут служить своеобразным залогом для неё в будущем миру сказать «великое слово». Такое слово, которое способно служить «заветом общечеловеческого

единения» и уже не в духе личного эгоизма, которым люди и нации искусственно и неестественно единятся теперь в своей цивилизации, из борьбы за существование, положительной наукой определяя свободному духу нравственные границы, в то же время роя друг другу ямы, произнося друг на друга ложь, хулу и клевету. Осмыслия конкретные факты участия России в освободительной войне на Балканах, писатель приходил ко все более обобщающим выводам: «Если нации не будут жить высшими бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут».

Связь настоящего с прошлым и будущим, авторские рассуждения о внешней политике, о неприемлемости усиления бисмарковской Германии, о коварстве правительенных действий Англии и Австрии, о необходимости деятельной помощи России угнетенным славянам рассматривается в «Дневнике», как убедительно показано в диссертации, в контексте мировых идей, католической (римской), протестантской (германской) и православной (славянской). С точки зрения Достоевского, эти разные религиозные основания через определенные исторические традиции приводят к тому или иному положению вещей в современной цивилизации. Если антагонизм католицизма и протестантизма приводил к идее единства на почве «личного эгоизма», политического и материального господства, то православно-славянская концепция предполагает всеединение не как «захват и насилие, и ради всеслужения человечеству» - «в духе истинной широкой любви, без лжи и материализма и на основании личного великодушного примера, который предназначено дать собою русскому народу, во главе свободного всеславянского единения Европе».

Магистральный характер и внутреннюю логику избранной темы в «Дневнике» соискатель подтверждает и собственно художественным материалом, когда заводит речь о вроде бы не имеющей к ней прямого отношения «малой прозе», о повестях и рассказах, очерках и зарисовках,

микро-рассказах, микро-сценах, параллельных повествованиях, притчах, метафорах, отдельных образах мировой литературы. Выразительным примером последнего служит Дон Кихот. Говоря о бескорыстной жертвенности русского народа, Достоевский призывает не стесняться донкихотства в политике, ибо Дон Кихот «свои выгоды тоже знает и рассчитать умеет: он знает, что выиграет в своем достоинстве и в сознании этого достоинства, если по-прежнему остается рыцарем; кроме того, убежден, что на этом пути не утратит искренности и стремления к добру и правде и что такое сознание его укрепит на дальнейшем поприще. Он уверен, наконец, что такая политика есть, кроме того, лучшая школа для нации».

Подобную интегрированность различных художественных элементов и беллетризации в публицистический и историософский контекст «Дневника» автор диссертации многосторонне раскрывает, анализируя тексты «»Кроткой», «Мальчика у Христа на елке», «Мужика Марея», «Столетней», «Сна смешного человека» и другие тексты, и аргументированно показывает их дополнительную, расширительную и иллюстративную роль в целом единстве заявленной темы.

Третья глава «Вопрос влияний» посвящена формированию взглядов Достоевского на славянскую проблематику в общекультурном контексте и их воздействию на последующую мысль. Первоначальные импульсы для обращения к анализируемой теме Достоевский получает, как справедливо отмечается в диссертации, от славянофильской лирики эпохи Крымской войны, от стихотворений А.Н. Майкова, Ф.И. Тютчева, А.С. Хомякова, от поэтов из круга «Москвитянина». Но главное генетическое и типическое сродство мысли Достоевского в истолковании славянской проблематики диссидентант убедительно раскрывает в публицистических и историософских трудах Ф.И. Тютчева, А.С. Хомякова, И. В. Киреевского, И.С. Аксакова, Н.Я. Данилевского, которые в совокупности образуют своеобразную матрицу развития мирового исторического процесса «с Богом» и «без Бога».

Представленная альтернатива неоднократно выражалась в разных ипостасях (в частности, цитатами «логического самоубийцы» в «Дневнике писателя») Достоевским, предупреждавшего, что «раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов» и что, «начав возводить свою «ававилонскую башню» без всякой религии человек кончит антропофагией». Обозначенная альтернатива входит в саму основу художественной, философской и публицистической мысли Достоевского и разгадываемой им «тайны человека» и иллюстрируется в таком качестве фундаментальной логикой В.С. Соловьева в статье о нем: «Пока темная основа нашей природы, злая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, — пока эта темная основа у нас налицо — не обращена — и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое настоящее дело и вопрос что делать не имеет разумного смысла... Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления... Истинное дело возможно, только если и в человеке и в природе есть положительные и свободные силы света и добра; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеют».

Выводы Достоевского и Соловьева обозначают то общее религиозно- metaфизическое и историософское русло, которое объединяет рассматриваемых в третьей главе мыслителей. Согласно их высшей логике подлинного реализма «без Бога» и без следования Высшей Воле темная и непреображенная основа человеческой природы никуда не исчезает, а лишь принаряживается и маскируется, рано или поздно дает о себе знать в разнообразных, исторических метаморфозах, в «гуманистических», «демократических», «авторитарных», «прагматических» и других ответов на вопросы «что делать?»

Более того, без органической связи человека «с Богом» историческое движение естественно деградирует из-за гибельной ослабленности духовного и смыслового христианского фундамента в индивидууме и обществе из-за самовластной игры отдельных государств и личностей, соперничающих идеологий и борющихся группировок, господства материально-эгоистических интересов над духовно-нравственными.

Таким образом, именно на стыке христианской метафорики, антропологии и философии занимала свое место у Достоевского славянская тема, в раскрытии которой и расстановке иерархических акцентов в ней он полностью совпадает с Тютчевым. По логике последнего, богоотступничество, самоначалие и самочиние подменяют истинное призвание человека исполнять Божию волю и сами в себе несут наказание – рано или поздно, всем ходом истории и внутренней закономерностью событий «свершается заслуженная кара за тяжкий грех, тысячелетний грех».

Оба писателя согласны в том, что «самовластие человеческого я» изнутри подрывало само христианское начало в католицизме, который разорвал с православным преданием Вселенской Церкви и поглотил ее в «римском Я», отождествлявшем собственные интересы с задачами самого христианства и усматривавшем «Царство Христово как царство мира сего». Тютчев, как и Достоевский, различает в католичестве собственно христианскую и папистскую стороны, наблюдая в ходе истории господство последней над первой, что вело к приспособлению религии к политике и превращению Церкви в государство в государстве со всеми недугами «тёмной основы нашей природы».

По логике обоих писателей, искажение христианского принципа в «римском устройстве», отрицание Божественного в Церкви во имя «слишком человеческого» в жизни и послужило связующим звеном между католицизмом и протестантизмом. Выступая против злоупотреблений в католицизме, протестантизм вместе с водой выплескивал и ребенка,

отказывался от обретений живого церковного опыта, исторического предания, соборного разума, большинства таинств и т.п. и опирался на зыбкую почву произвольного разумения, ограниченного индивидуального рассудка, что освещало своеволие и эгоцентризм, создавало условия через непреображенную «темную основу нашей природы» для произрастания антихристианского рационализма и революционных принципов.

Достоевский, как и его единомышленники, именно в длительном и ступенчатом отрицании сверхлично-божественного начала бытия через взаимосвязь католицизма, протестантизма и атеизма видел суть новоевропейской истории с последовательным обоготовлением человека, разума и, наконец, плоти: «Все несчастья Европы, все, без всяких исключений, произошли оттого, что там в ходе общественно-государственного и личностного развития потеряли Христа, а потом решили, что без Христа «обойдутся»».

Соискатель подробно рассматривает различную расстановку акцентов в интерпретации общих для Достоевского и соотносящихся с ним мыслителей, тем и понятий (христианство, язычество, католицизм и протестантизм, рационализм, революция, социализм, культ материализма и человеческого «я» и др.) в развитии западного мира в его сопоставлении с православно-славянским. Автор «Дневника» как бы подытоживает это развитие западной истории и культуры через «искаженного Христа» в католицизме и отрицательную идею с рассудочной доминантой в протестантизме, что и выводит, как куколка бабочку, стадию цивилизации с ее образами «Вавилонской башни», «хрустального дворца», «муравейника», «зверя-антихриста».

Основу противопоставления православно-славянского мира Достоевский, как и его единомышленники, видит в наследовании традиций восточного христианства, органично сросшихся с национальными чертами славянского племени во главе с Россией, с ее настоящим, прошлым и

будущим. Русский народ назвал себя крестьянином, то есть христианином, и тут не одно только слово, тут идея на все его будущее: автор «Дневника» говорит о благой миссии Византии, сохранившей «неповрежденного» Христа в Церкви для должного ориентирования личности, государства и общества. Церковь по самой своей природе должна не терять «небесной» вертикальной связи со Христом как своим главой и не растворяться в «земной» горизонтальной ипостаси, в государстве или этносе (заражаясь их болезнями), а придавать им исцеляющее «темную основу нашей природы» и пробуждающее «положительные силы добра и света» целеполагание, преображающий их деятельность духовный смысл. Этотвечный ход мысли, правомерно освещаемый на страницах диссертации в различных контекстах, четко выражен Достоевским, нередко обвиняемом в захватническом империализме, в главе «Утопическое понимание истории», где он рассматривает Константинополь не как возможную политическую столицу России и славянства, а как преемственность ею символический духовный град для сбережения «истинной истины», «Христовой истины»: «тем самым обозначилась бы и настоящая сущность тех политических отношений, которые и должны неминуемо наступить у России ко всем прочим православным народностям – славянам ли, грекам ли, все равно: она – покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица: мать, но не госпожа<...> Нет, это будет настоящее воззвание Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настоящее новое воззвание креста Христова и окончательное слово православия, во главе которого уже давно стоит Россия».

В результате проделанной работы И.Ф. Прийма делает принципиальный вывод о том, что по отношению к государству и племени православие занимает иерархически главное и первенствующее место, поскольку оно, подобно духу, оживляет их тело, составляет высокий потенциал их деятельности и возможность «всеслужения человечеству». Именно такая

иерархическая зависимость предполагает соотнесение всякой государственной, общественной и национальной деятельности с религиозно-этическим началом, наполненность власти и «учреждений» «положительными силами добра и света», людьми совести, чести и долга, что гораздо важнее для истинного процветания и подлинного единства, нежели материальное могущество, которое совершенно необходимо, но в своей вспомогательной, а не абсолютизированной роли.

Может быть, стоило более, так сказать пружинисто артикулировать данный вывод и особо подчеркнуть вытекающую из него закономерность: этатизм и национализм вне первенствующей и господствующей роли христианства, подчинение религии политике, а духа телу остается в границах «непреображенной основы нашей природы», а государства и нации, как всякое языческое образование, подвержены до поры до времени незаметными влияниями распада, усиления материальных аппетитов, эгоистических инстинктов, интеллектуальной пустоты (подобно тому, как исторические империи изнутри своей внешней силы не подозревали о грядущей судьбе).

Было бы уместным, на наш взгляд, обозначить антропологические эсхатологические перспективы, в которых находятся обсуждаемые на страницах «Дневника писателя» вопросы, в том числе славянская идея. Достоевского изначально впечатляло неискоренимая мерцательная двойственность человеческой природы, соединяющей в себе, если воспользоваться известными строками Г.Р. Державина («я царь, я раб, я червь, я бог») «царские» (представления о свободе, любви, совести, милосердии, справедливости, чести, достоинстве, самопожертвовании) и «рабские» (гордыня, тщеславие, зависть, властолюбие, сластолюбие, сребролюбие, озлобленность и т.п. свойства «темной основы нашей природы») начала: «Атмосфера души человека состоит из слияния неба с

землею; какое же противузаконное дитя человек, закон духовной природы нарушен...»

Писатель постоянно сосредотачивался на^{*} этой «противузаконности», «недоделанности», «недосиженности», «переходности» человека и человечества: «Мы, очевидно, существа переходные... люди становятся либо бесами, либо ангелами». По его соображению, предотвращение падения вниз «к бесам» и возможное движение вверх «к ангелам» предполагает использование духовного потенциала и ценностной иерархии православно-славянской цивилизации для обретения «царских» свойств и превозможения «рабского» ига социал-дарвинизма, гедонистических склонностей, господствующей конъюнктуры, своекорыстных расчетов и т.п., вносящих катастрофические элементы энтропии, дисгармонии и разлада во взаимоотношениях людей. В противном случае, заключает он, человечество в своей бурной деятельности наткнется наапокалиптический забор и остановится.

Высказанные пожелания относятся скорее к будущим исследованиям соискателя и несколько выходят за пределы конкретно поставленных и успешно решаемых им задач. Тем не менее отмеченные аспекты и измерения могли бы нести дополнительную аргументацию в доказательное сопоставление сходств и различий, например, между «всеслужением человечеству» у Достоевского, биологоцентрическим детерминизмом культурно-исторических типов у Н.Я. Данилевского или экуменизмом у В.С. Соловьева, в эволюционную перестановку последним внутри «трех сил», а также в характеристику отечественного славянофильства. Сам термин «славянофильство», введенный в оборот идеяными оппонентами, не покрывает всей полноты и сложности подразумеваемых в нем воззрений, затеняет ведущую роль в нем православия среди других важных начал взыскиемой самобытности. Понимание и раскрытие созидательного значения православных традиций в жизнестроительстве, в росте целостной духовной

личности, в предотвращении обезбоживания, эгоизации и апокалиптизации современной цивилизации составляло существенную особенность их деятельности, фиксируемую в диссертации.

Ещё одной заслугой соискателя является систематизация и классификация различных восприятий идей Достоевского философами, публицистами, литераторами славянских стран выделение среди наиболее аутентичных и глубоких трудов Николая Велимировича и Иустина Поповича. Последний делал «достоевский» и «славянофильский» вывод о православии как о фундаментальном основании для того, чтобы славянству оставаться субъектом истории, а не превратиться в объект приложения других мировых «идей» и «сил»: «Только будучи освящено и просвещено Христом, славянство получает непреходящее значение в истории мира и через всеславянство ведет к человечеству».

Подводя итоги, если все основания заключить, что в работе И.Ф. Приймы мы имеем своевременное комплексное исследование, весомо дополняющее и расширяющее научные труды, связанные с изучением творчества Достоевского в целом и «Дневнике писателя» в частности. В нем впервые целенаправленно характеризуется объем и содержание православно-славянской идеи в иерархической последовательности ее структурных элементов и в целостном единстве ее философских, публицистических и художественных воплощений, а также в контексте характерных для отечественной культуры традиций, тенденций и истоков, что дает возможность соискателю существенно корректировать устоявшиеся схемы и представления и устанавливать подлинную важность тем и проблем «Дневника» в соответствии с мировоззрением его автора.

Обширное знание соответствующего материала, умение организовать и представить его в ракурсе избранной темы, позволяют диссидентанту приходить к освещенным в нашем отзыве аргументированным выводам о генезисе, содержании, структуре и измерениями славянской идеи в

творчестве Достоевского, ее не только социально-политического или идеологического, но религиозно-метафизического, историософского, универсального значения, влияющего и на художественный мир писатель, выбор его эстетических принципов и изобразительных средств.

Результаты проделанной диссидентом работы, полно и всесторонне отраженной в соответствующих публикациях и научных докладах, открывают новые грани и перспективы в изучении творчества Достоевского, а также принципиальных теоретических и историко-литературных проблем и как бы «подсказывают» возможность иного взглядана хорошо знакомые или еще недостаточно изученные стороны русской культуры.

Рецензируемый труд бесспорно отвечает современным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 10.01.01, а его автор заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата филологических наук. Полученные выводы могут быть использованы в лекционных курсах по истории русской литературы, в спецкурсах и спецсеминарах, а также в разнообразных учебных пособиях и академических исследованиях, затрагивающих сходную проблематику.

Зав. кафедрой зарубежной литературы

Литературного института им. А.М. Горького

доктор филологических наук, профессор

Тарасов Б.Н.

Подпись Тарасова Б.Н.
заверяется.

Нач. отдела кадров
Крижановская

